

Научная статья

УДК 94(47)“1879/1885”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.3

Афганистан в центре Большой игры. 1879—1885. Акт шестой: Пендинский кризис

Дмитрий Валентинович Васильев

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Аннотация. Распространение российского суверенитета на туркменские земли вступило в завершающую фазу после присоединения к империи Мерва. Движение русских развивалось по двум последовательным направлениям. Первое вело к оазису Атека у персидской границы. В нем был установлен переходный режим, по окончании которого оазис должен был перейти к России. А до того времени персидские приграничные начальники предпринимали явно антироссийские шаги. Они ограничивали подачу воды местным туркменам, переселяли на их земли своих соотечественников. Это не устраивало имперского пограничного комиссара, который инициировал обсуждение вопроса об ускорении введения в Атеке российской администрации. Но, несмотря на это, утверждение русской власти в Атекском оазисе все-таки произошло в срок. В 1886 г. в нем было учреждено приставство на общих для Закаспийской области основаниях. Иначе развивалась ситуация со спорной территорией оазиса Пенде, на который претендовала афганская сторона. Начало Афганскому (Пендинскому) кризису 1885 г. положило занятие оазиса российскими войсками. Обмен Пендинского оазиса на Зульфакарский проход, в котором была заинтересована Великобритания, позволил обеим сторонам прийти к компромиссу. Так закончилась острая фаза Большой игры. Отличительной чертой укрепления российского присутствия в регионе было создание местной администрации, ориентированной на побуждение коренного населения к лояльности новой власти.

Ключевые слова: Закаспийская область, туркмены, Атек, Пенде, Персия, Афганистан, Великобритания, Большая игра, административная политика.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915 (<https://rscf.ru/project/24-28-00915/>), реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Для цитирования: Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1879—1885. Акт шестой: Пендинский кризис // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 38—55. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/3_53_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.3.

Original article

Afghanistan at the Center of the Great Game. 1879—1885. Act Six: Pende Crisis

Dmitry V. Vasilyev

Moscow City University, Moscow, Russia, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Abstract. The spread of Russian sovereignty over the Turkmen lands entered its final phase after the annexation of Merv. The Russian movement developed in two successive directions. The first led to the oasis of Atek near the Persian border where a transitional regime was established. At the end of the five-year period, the oasis was to pass to Russia. Until that time, Persian border commanders had taken clearly anti-Russian steps. They restricted the water supply to local Turkmen and resettled their compatriots on their lands. This did not suit the imperial border commissioner, who initiated discussions on the issue of accelerating the introduction of Russian administration in Atek. Despite this, the establishment of Russian power in the Atek oasis still occurred on time. In 1886, the so-

© Васильев Д. В., 2025

called *pristavstvo* (an administrative-territorial unit of the Russian Empire in the late 18th — early 20th centuries) was established there on the same basis as in the Transcaspian region. The situation with the disputed territory of the Pende oasis, which the Afghan side laid claim to, developed differently. The Afghan (Pende) crisis of 1885 began with the occupation of the oasis by Russian troops. The exchange of the Pende oasis for the Zulfakar Pass, in which Great Britain was interested, allowed both sides to reach a compromise. Thus ended the acute phase of the Great Game. A distinctive feature of the strengthening of the Russian presence in the region was the creation of a local administration aimed at encouraging the indigenous population to be loyal to the new government.

Keywords: Transcaspian Province, Turkmens, Atek, Pende, Persia, Afghanistan, Great Britain, Great Game, administration policy.

Acknowledgements. The research is supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00915 (<https://rscf.ru/project/24-28-00915/>), implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

For citation: Vasilyev D. V. Afghanistan at the Center of the Great Game. 1879—1885. Act Six: Pende Crisis. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 1 (53), pp. 38—55. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.53.3>.

Введение

Присоединение Мервского оазиса и сопредельных владений к Российской империи создало непростую внешнеполитическую ситуацию. Занятием Мерва Россия физически наметила свой интерес к афганскому Герату. Последовательное распространение владений империи на все новые и новые сообщества туркмен вполне естественно побуждали к ответным действиям Персию. И несмотря на то что отношения с Тегераном строились вполне конструктивно, иранские ханы в приграничных районах вели себя достаточно агрессивно, захватывая воду у туркмен, переселяя на их земли своих соотечественников. И этому есть объяснение — демаркационные комиссии, как правило, учитывали район проживания и экономической активности приграничных жителей и их тяготение к одной из сторон.

Афганистан находился в наиболее сложном положении. Непростые пограничные отношения накладывались на сложную внутриполитическую ситуацию — эмир Абд-ар-Рахман пытался выстроить отношения со своими подданными и с англичанами, целью которых было улучшение своего положения в этой стране.

Наконец, Великобритания, утрачивавшая жесткий антироссийский стержень и понимавшая угрозы избыточности своего присутствия в Афганистане, планировала, тем не менее, не терять своего влияния на Кабул и установить с Российской империей такую границу, которая, соответствуя принципам паритета между Лондоном и Петербургом, на долгое время стала бы гарантом взаимной безопасности в регионе.

Сложное переплетение международных отношений сопровождалось неуклонным намерением России продолжать строительство и цементирование своего цивилизационного пространства, предполагавшие политическую ассимиляцию новых подданных, которая по-прежнему осуществлялась на основе испытанных принципов военно-народного управления. В этом она видела в том числе и решение внешнеполитической задачи — создания естественного кордона лояльных подданных, заинтересованных в сохранении своего благополучия под эгидой Белого царя.

Проблематика Большой игры по-прежнему актуальна в исторической науке. Но в последнее время ее хронологию политологи раздвигают вплоть до настоящего времени. Тем ценнее работы, которые оставляют Большую игру на Востоке в ее исторических рамках, уделяя внимание генезису, сущности и трактовке самого термина [7]. Есть и историографические работы, рассматривающие современное состояние исследования этой темы [6; 20].

Представляют интерес труды, в которых анализируются сообщения современников, непосредственно непричастных к внешнеполитической деятельности, но представляю-

щие собой взгляд со стороны на стремительно развивавшиеся события [14]. Большая игра в значительной мере была рассчитана на общественное мнение, формированию которого посвящено одно из отечественных исследований последнего времени [1]. Не менее важны редкие работы, где рассматривается специфика понимания международно-правовых отношений в регионе местными и европейскими политическими акторами [15].

Пендинский кризис непосредственно касается как вопроса российского движения на Герат, так и британского противодействия ему. Роль Российской империи, добивавшейся реализации своих геополитических интересов в Афганистане легитимным путем, показана С. Д. Васильевым [4], а имеющая непосредственное отношение к теме настоящей статьи позиция российского правительства по англо-афганскому разграничению рассмотрена Т. В. Рабуш [17].

Вопросы присоединения и административного освоения Атекского и Пендинского оазисов были актуальны в дореволюционное время, пока не утратили своей политической злободневности. В советский период, возможно, сюжеты, связанные с Атеком и Пенде, считались малозначимыми. Отдельное внимание они получили в монографии М. Н. Тихомирова. Он первым в советской историографии обратил внимание на зависимость Афганистана от стратегии лондонского кабинета, а также на то обстоятельство, что коренные жители оазиса в целом были настроены благожелательно по отношению к российским военным [19, с. 168—172].

Разворачивая более широкий взгляд на российско-британские отношения, Е. Ю. Сергеев обратил внимание на нагнетание напряженности со стороны некоторых генералов и «ястребов» при петербургском дворе, а также на внутривнутриполитические пертурбации в Лондоне, которые способствовали ускорению мирного урегулирования в Пенде [18, с. 182—185]. «Таким образом, хрупкое равновесие, установившееся в середине 1880-х гг. между Россией и Великобританией, означало стратегический тупик Большой Игры» [18, с. 184]. Вопросы присоединения и организации границы в Пендинском оазисе рассмотрены А. Моррисоном [22, р. 462—475].

Следует констатировать, что в перечисленных выше весьма ценных исследованиях отсутствуют сведения о развитии российско-иранских отношений, о действиях российской администрации по адаптации туркмен к новым административно-политическим и социальным реалиям. Исследованию комплекса внешнеполитических отношений вокруг Атекского и Пендинского оазисов и организации российского управления на их территории посвящена настоящая статья.

Даже столь краткий историографический обзор требует упоминания одного из актуальных направлений в современной отечественной историографии. Речь идет об исследованиях проблем аккультурации, которой подвергалось коренное население юго-востока Российской империи в ходе постоянно усиливавшихся контактов с русскими [3; 5; 8—10]. Этот подход создает благоприятную почву для разработки проблем, которым посвящена настоящая статья.

Вполне естественно, что в основу исследования положены документы Российского государственного военно-исторического архива, Национального исторического архива Грузии и Центрального государственного архива Туркменистана, опубликованные в сборнике «Присоединение Туркмении к России» [16]¹, а также неопубликованные материалы из Национального исторического архива Грузии и Российского государственного исторического архива с информацией об организации управления на территории Атекского и Пендинского оазисов. Сведения о внешнеполитической дискуссии Лондона

¹ Названия цитируемых документов адаптированы.

и Петербурга получены из вышедшего по горячим следам сборника «Афганское разграбление» [2].

За пределами этой статьи лежит воссоздание полной картины военно-дипломатических перипетий, известных как Большая игра, а потому в число ее источников не входят заметки очевидцев этих событий с британской стороны [21].

Намерение исследовать в комплексе внешне- и внутривосточные аспекты российской политики объясняет необходимость использования концепции «новой истории империи». Критика и анализ дипломатических документов позволяют представить внешнеполитическую ситуацию с достаточной степенью объективности. Привлечение актового материала (положения об управлении, инструкции и административные штаты) обусловило использование формально-юридического и историко-правового методов.

Результаты исследования

Вслед за присоединением Мерва перед российскими властями встала задача овладения плодородной и стратегически важной долиной реки Мургаб, которое должно было иметь «вполне мирный характер как последствие добровольного подданства мервцев». Указывая на это, командующий войсками Кавказского округа требовал от начальника Закаспийской области принять «все меры к предупреждению серьезных столкновений или кровопролития, и, если, вопреки уверениям мервцев, часть их склонна оказать сопротивление войскам нашим, употребив прежде движения нравственное влияние для устранения столкновений» [16, с. 701].

Буквально сразу после занятия Мерва стали происходить необычные события. Мервские ханы арестовали антироссийских агентов (Каджар-хана, Сиях-Пуша и др.), а йолотанские сарыки, населявшие долину реки Мургаб, стали обращаться за российским подданством по примеру мервцев. Они понимали, что самостоятельно не в состоянии «обеспечивать свою безопасность и благосостояние». Одновременно накалилась обстановка в северных провинциях Афганистана (в первую очередь в Фарьябе). Кабульские войска двинулись на Меймене (Маймене), а местные афганские правители искали помощи на российской стороне, хотя и безрезультатно [16, с. 719, 720].

Это движение в общем-то было оправдано и возможной угрозой со стороны мервских туркмен, которых намеревался использовать сын эмира Шир-Али Мухаммед Аюб-хан, стремившийся вернуть себе контроль над Афганистаном, власть в котором удерживал новый эмир Абд-ар-Рахман-хан с помощью британских штыков. Российский агент в Кучане докладывал: «Сиях-Пуш в последнее время явно действовал в интересах Аюб-хана, и, как видно, дело должно было разыграться так, чтобы он при преследовании в Бухару стал во главе мервских текинцев и йолотанских сарыков, пошел бы в Меймене, население коего, все время поддерживая сношения с ним, приглашало его править нами, и отколь уже выступил бы против Афганистана» [16, с. 724].

Однако события развивались несколько иначе. Духовные лидеры и представители йолотанских сарыков, проживавших в долине Мургаба, обращались к российским властям с изъявлениями «покорности и преданности» [16, с. 723, 727]. О том же просили имперских военных и местные салыры (салоры) [16, с. 726], принявшие в конце концов российское подданство [16, с. 756].

Можно предположить, что рост лояльности туркмен был вызван изменением восприятия ими русских: «Все увидели, что русское занятие не сопровождается ни материальным, ни экономическим насилием, что, напротив, бедный обеспечен от самовластия богатого и сильного, богатый — от нападения своих и чужих разбойников и что все получают возможность безопасно зарабатывать больше, чем когда бы и как бы ни было прежде. <...> Купцы здешние чрезвычайно обрадовались, узнав, что они как русские

подданные имеют теперь право торговать в Хиве беспопытно... так как там их в особенности притесняли, а в Бухаре — пользоваться преимуществами, предоставленными русским торговцам» [16, с. 720—721].

Но российские власти, не ограничиваясь названными мерами, подстраховались вполне объяснимыми административными мероприятиями. Вместо прежнего единственного хана Мерва Каджар-хана, ставленника Сиях-Пуша, проповедовавшего джихад, «русское правительство признало ханами не Каджар-хана, популярного среди здешней демократии, а четырех других, поддерживаемых состоятельными людьми здешней буржуазии, и затем решило окончательно занять Мерв войском, которое безотлагательно и пришло в оазис» [16, с. 722].

Мервские земли оказались чрезвычайно плодородными: «Здесь родятся в изобилии пшеница, джугара, рис, виноград, хлопок, дыни и разные фрукты» [16, с. 721]. А ведению хозяйства, как ни парадоксально, мешал избыток воды. Но распространению российско-го владычества на эти территории косвенно продолжала препятствовать Персия, соорудившая на правом берегу Теджена укрепление Рукнабад (Рокнабад), которое, врезавшись в туркменские владения, держало под контролем пути на Мерв и в оазисы Йолотан и Пенде [16, с. 727—728].

Другим обстоятельством, осложнявшим закрепление России в этих двух оазисах, была, как и следовало ожидать, позиция Великобритании. Причем российские военные вполне понимали разное отношение Лондона к занятию Мерва и Йолотана с Пенде.

«Если присоединение Мервского оазиса <произошло> без всяких политических осложнений с Англией, то причиной тому... были не только затруднения, встреченные этой державой в удовлетворительном для нее разрешении египетских дел, но и сознательное убеждение нынешнего английского министерства, что занятие нами Мерва не составляет, в сущности, никакой угрозы Афганистану, а имеет для нас значение преимущественно в смысле упрочения спокойствия в наших закаспийских владениях и установления ближайшей через Мерв связи последних с Бухарой и нашей среднеазиатской территорией.

Другое впечатление может произвести фактическое занятие нами Йолотанского и особенно Пендинского оазисов туркмен-сарыков, так как в этом акте Англия и Персия, несомненно, усмотрят наше стремление продвинуть свои владения вплоть до границы Афганистана и, следовательно, стать в угрожающее положение к Герату, признаваемому некоторыми британскими политиками и стратегами ключом к Индии» [16, с. 730].

Отсюда — осознание грядущего политического кризиса в случае российского движения в Пенде (в направлении Герата) и необходимости осторожного отношения к просьбам сарыков о подданстве. Хотя следует признать, что движение русских войск по Мургабу было продиктовано в первую очередь утилитарными соображениями — необходимостью установления скорой гарантированной связи Закаспийской области с Туркестанским генерал-губернаторством.

Главначальствующий на Кавказе князь А. Дондуков-Корсаков по этому поводу отмечал: «Отвергать их [сарыков. — Д. В.] желание — значило бы оттолкнуть от себя племя, владевшее еще 27 лет тому назад нынешним Мервским оазисом, поставить его в недружелюбные к нам отношения и вообще парализовать утверждение нашего влияния на границах Афганистана. Принятие сарыков в русское подданство могло бы удобнее всего выразиться, на первое время, в той форме, какую я предлагал сначала относительно мервских туркмен, т.е. можно было бы ограничиться назначением к ним приставом под видом резидента одного из наших офицеров, придав ему для полицейской службы сотню или две местных фераджиев и несколько человек казаков в качестве личного конвоя. Занимать же оазисы сарыков какой-либо частью наших войск я полагал бы при настоящих

условиях неудобным как потому, что это подает повод к нежелательным объяснениям с английским правительством, также ввиду наших расходов, которые потребовались бы на передвижение туда войск за неимением свободных для того частей в Закаспийской области. Общее наблюдение за управлением сарыками и поддержанием у них спокойствия может быть поручено начальнику Мервского округа, которому должен быть подчинен назначенный к сарыкам пристав» [16, с. 731].

Прошла неделя, и главноуправляющий гражданской частью на Кавказе телеграфировал в Санкт-Петербург о принятии йолотанских сарыков «в подданство России на одинаковых с мервцами условиях» [16, с. 733]. Но в столице этот шаг, осуществленный полностью в стилистике волюнтаризма туркестанских генералов, вызвал негодование и требование остановить введение у них новой администрации: «Принятие сарыков в подданство признавалось нежелательным, но так как оно уже совершилось, то Министерство иностранных дел, не находя возможным изменить Ваше распоряжение, признавало бы необходимым ввиду начатых переговоров с Англией [о российско-афганской границе. — Д. В.] по возможности ослабить внешнее значение самого факта и не посылать к сарыкам русского начальства с военным конвоем, а равно и не принимать в подданство других туркменских племен, хотя бы они о том и просили» [16, с. 733].

Выходит, российское правительство в большей мере было заинтересовано в нормализации отношений с Лондоном, чем в расширении владений империи в сторону Афганистана. Однако не следует исключать двойственности замысла имперских властей: формально сдерживать, но при этом тайно потворствовать усилению российского давления на британские интересы в Афганистане.

Одновременно острой оставалась ситуация в Атеке, примыкавшем к персидской границе, где персидский комиссар, невзирая на межгосударственные соглашения, потворствовал захватам туркменских земель своими соотечественниками, незаконно ограничивал туркмен в водопользовании [16, с. 732]. Более того, Тегеран требовал от хорасанского генерал-губернатора немедленно приступить к занятию Старого Серахса, что заставило российскую сторону задуматься о заселении этого района подданными империи мервскими туркменами или сарыками, что и было осуществлено под прикрытием военных [16, с. 734—735].

Пока салоры из Мерва занимали Старый Серахс, афганский отряд двигался для занятия не принадлежавшего Афганистану оазиса Пенде (Пендже) близ его западной границы [16, с. 744]. «Движение это, внушенное, вероятно, афганцам ост-индским правительством, находится, как можно полагать, в связи с начатыми между Россией и Великобританией переговорами о будущей границе нашей с Афганистаном и имеет целью фактическим занятием сарыкского оазиса доказать права на него афганского эмира» [16, с. 747].

Опять на передний план в российско-туркменских отношениях выступила Великобритания, стоявшая за спиной Абд-ар-Рахман-хана, с ее намерением урегулировать вопрос о российско-афганской границе в свою пользу. И, как было принято в Лондоне, инструментом реализации этих пожеланий стали афганские войска.

Главноначальствующий на Кавказе предвидел объединение всех туркмен под покровительством (подданством) Российской империи и убеждал Петербург учитывать эту перспективу на переговорах о будущей границе нашей страны с Афганистаном.

Узнав о движении афганцев, пендинские сарыки стали стремиться к Йолотанскому оазису, чтобы попасть под российское покровительство. А. М. Дондуков-Корсаков считал целесообразным поддержать переселение пендинцев к Йолотани и тем самым де-факто признать их российскими подданными.

Кавказское начальство не оставляло без внимания и Атек, который, согласно статье 3 дополнительного секретного акта между Россией и Персией от 9 декабря 1881 г., должен был в 1886 г. отойти к российским владениям. Командующий Кавказским военным округом настаивал на необходимости ускорения этого процесса, что привело бы к прекращению своевольных действий персидских пограничных властей и умиротворению населения Атекского оазиса [16, с. 752—753].

Следует остановиться на перипетиях укрепления российского влияния в Атеке. Дело в том, что Конвенция о разграничении к востоку от Каспийского моря, подписанная 9 декабря 1881 г. в Тегеране, не касалась территорий Атекского и Мервского оазисов, в то время еще не вошедших в состав Российской империи. Однако статья 7 этой конвенции разрешала императорскому правительству назначать в пограничные пункты Персии своих агентов, призванных наблюдать как за соблюдением этого соглашения, так и «за образом действий соседних с Персией туркменских населений» [16, с. 605]. По всем вопросам, касающимся поддержания порядка в соседних России и Персии землях, эти агенты должны были стать посредниками между правительствами обоих государств.

Исполнять обязанности по наблюдению за населением Атека был назначен российский агент (пограничный комиссар) в Дерегезе и Келате. В соответствии с нормами секретных статей конвенции 1881 г. ему было предписано «наблюдать за исполнением местными персидскими властями обязательств, принятых на себя шахским правительством... по отношению к Атеку и сопредельным персидским провинциям Дерегезу и Келату» [13, л. 14—14 об.].

Согласно дипломатическим документам, местность Атека от развалин крепости Баба-Дурмаз до Теджена близ Серахса была объявлена на переходном положении в течение пяти лет со дня заключения конвенции. А потому на нее российская власть пока еще официально не распространялась, хотя вплотную к Баба-Дурмаз-кале уже подходили владения империи.

Такое неясное положение Атека можно объяснить тем, что до присоединения Мерва и занятия Теджена острой необходимости в утверждении здесь российского владычества не существовало, ибо существовало понимание того, что в условиях пограничья «русская власть в Атеке могла окрепнуть только с фактическим занятием этой местности, опираясь на военную силу. ...И для русской власти было вполне достаточно, не утверждаясь в Атеке официально, оказывать нравственное влияние на народонаселение» [13, л. 14 об. — 15].

По мнению российского пограничного комиссара Н. Кузьмина-Караваева, жители Атека безоговорочно стремились поскорее попасть под покровительство империи: «Разнородность племен, населяющих эту местность, междоусобные ссоры селений, притеснения старшин, испорченных персидскими ханами, наконец, притеснения персидских ханов, которые, лишившись с туркмен податей, стали вымещать свою злобу на них отбиением воды и самоуправством над отдельными личностями, попадавшимися им в руки, заставили туркмен искать авторитетной власти, которую они видели только в России, к которой они все поголовно и тянулись» [13, л. 15].

Проблема состояла в том, что деятельность российского агента по регулированию отношений среди атекских туркмен была сопряжена с целым рядом трудностей. Он мог разбирать некоторые ссоры, сменял и утверждал старшин, чаще всего ограничиваясь поверхностными решениями и обещаниями. Не имея реальной силы, агент не мог, например, противостоять персам, захватывавшим все большие объемы воды из рек, текущих в Атек. Фактически он был лишен возможности регулярных поездок по подконтрольной территории. «Кроме того, агент, долженствовавший следить за выполнением персидски-

ми властями обязательств конвенции, не был уполномочен заниматься делами, касавшимися внутренней жизни Атека, не имевшими международных отношений. Следовательно, в своей внутренней жизни туркмены были предоставлены сами себе» [13, л. 16].

Такое положение дел еще как-то устраивало российскую сторону, пока Атек оставался в российско-персидской пограничной полосе. Но занятие Мерва и Старого Серакса превратило Атекский оазис в своего рода полуостров, с трех сторон окруженный российскими владениями.

Призывая власти досрочно ликвидировать переходный статус Атека, полковник Н. Кузьмин-Караваев назвал в качестве возможного официального мотива неисполнение своих обязательств персидской стороной — взимание с туркмен податей, изгнание их с обрабатываемой земли, наказание виновных в проступках без участия российской стороны. Исходя из значимости района для стратегической и социальной стабилизации Закаспийской области, имперский пограничный комиссар констатировал: «Упрочение порядка в Атеке, управление внутренними делами края, наблюдение за выполнением персидскими пограничными ханами обязательств, выраженных в постановлениях комиссаров обоих правительств, касательно распределения прав владения водой речек между населением Атека и жителями пограничных ему персидских провинций необходимо должно лежать на русской власти, которая будет поставлена в Атеке» [13, л. 18]. Он считал необходимым разделить управление Атеком и наблюдение за исполнением пограничных условий конвенции 1881 г.

Кавказская администрация поддержала предложения Н. Кузьмина-Караваева и предложила учредить в Атеке должность российского пристава [13, л. 19].

Сам же российский пограничный комиссар в Персии на этом не остановился — сформулировал задачи новой административной структуры: 1) развитие системы водопользования; 2) установление порядка и экономическое развитие для увеличения доходности; 3) соблюдение персидским населением требований конвенции 1881 г. [13, л. 23]. Он доказывал, что даже имеющиеся ресурсы позволяют увеличить обводнение оазиса, что привлечет в него новых жителей, число которых возрастет с 7000 до 12 000 [13, л. 27 об.].

Фундаментом организации российской администрации в Атеке пограничный комиссар считал сохранение принципов общинности, на которых и строилась, по его мнению, жизнь туркмен. Отсюда и вытекало «отсутствие частной постоянной земельной собственности. Вся земля и вода Атека составляют собственность государства. Государство отдает воду и землю во владение селениям. Жители селений должны получать землю для обработки и воду для орошения посевов артелями по участкам и по жребью пред каждым посевом. Частной собственностью могут быть только сады, мельницы и прочие исключительные постройки, для которых государство отдает туркменам за известную незначительную арендную плату те же землю и воду (в форме особого налога...)» [13, л. 29].

Это чрезвычайно интересное мнение, с одной стороны, повторяет принятое в центральноазиатском законодательстве Российской империи правило считать земли в степной полосе государственной собственностью. С другой стороны, примечательно, что российский пограничный комиссар полагал уничтожить частную собственность и в оазисах, где проживало полукочевое и даже оседлое население, чего не было, например, в Туркестанском генерал-губернаторстве, где частная собственность на землю, подтвержденная документально, имела место. Посадки и сооружения, связанные с оседлостью, у кочевников степных областей признавались частной собственностью, выделенной из кочевий. Такую же норму полковник Н. Кузьмин-Караваев предлагал распространить на туркмен, установив для этих объектов особую плату (налог) за пользование землей и

водой. Надо обратить внимание на использование редкого для законотворчества того времени термина «аренда», который в то время еще не имел распространенного толкования. Но его появление именно в этом регионе и именно в 1885 г. незадолго до образования Мургабского государева имения (1887), основанного, как известно, на арендных отношениях, выглядит показательно.

«Администрацию селения составят старшина и мираб¹. В более важных случаях в представительстве селения могут играть роль пользующиеся доверием старики. Старшина и мираб каждого селения должны избираться жителями [под наблюдением администрации. — Д. В.] большинством голосов и утверждаться русской властью. На администрацию селений должны быть возложены исключительно полицейские обязанности по отношению к жителям и внутреннему благосостоянию селения. Выбор населения должен быть под наблюдением русской власти, иначе он не будет беспристрастен; личное влияние и всякого вида подкуп будут несомненно играть роль...» [13, л. 29]. Конечно, российский пограничный комиссар находился под определенным обаянием туркмен, с которыми постоянно взаимодействовал и на сотрудничество которых вынужден был рассчитывать. Отсюда и делегирование на общинный сход старейшин без процедуры выборов. В остальном же порядок назначения лиц первичной администрации у жителей Атека не должен был принципиально отличаться от порядка, установленного у соседних коренных народов Азиатской России.

Старшина и мираб не должны были получать никакого содержания. Старшинам можно было позволить получать не более одной лишней доли воды, а мирабам — некоторое количество зерна от своего селения. Кроме таких частных мирабов Н. Кузьмин-Караваев предлагал избирать от одного до четырех мирабов, которые бы наблюдали за распределением воды по всей отдельно взятой системе (оазиса, главного канала, русла реки).

«Центральная администрация Атека, кроме начальника края [пристава? — Д. В.], должна состоять из его помощника, секретаря, умеющего основательно писать по-русски и по-татарски, одного словесного переводчика, врача и фельдшера. Затем, в распоряжении начальника Атека должно быть до 20 всадников милиции при уряднике» [13, л. 29 об.]. Состав администрации, в принципе, повторяет таковой для других подобных районов центральноазиатских владений империи. Важной составляющей местной российской власти должны были стать представители медицины, воспринимавшиеся чиновниками империи как носители мягкой силы, способной сделать новое владычество привлекательным для новых подданных.

Главу имперской администрации в Атеке полковник Н. Кузьмин-Караваев предлагал наделить определенными дипломатическими (пограничными) полномочиями: «Кроме управления внутренней жизнью Атека, сбора всех налогов, на начальнике края должны лежать обязанности по наблюдению за исполнением со стороны персидских пограничных властей обязательств, изложенных в протокольных постановлениях уполномоченных пограничных комиссаров 1884 года» [13, л. 29 об. — 30].

Российский пограничный комиссар предлагал установить начальнику Атека жалование в 3000 руб. годовых (возможно, со столовыми деньгами) и добавить 1500 руб. на представительские расходы. Помощник начальника мог бы получать 2500 руб., секретарь (письменный переводчик) — 2000 руб., устный переводчик — 1200 руб. Вместе с расходами на содержание медицинской части (4100 руб.) и милицейских всадников (5150 руб.) общий расход на содержание российского управления в Атеке должен был составить 19 780 руб. в год [13, л. 30 об. — 31]. Заметим, что предложенные расходы как в целом, так и по отдельным статьям номенклатуры (кроме всадников) во много раз пре-

¹ Смотритель арыков, ответственный за распределение воды.

восходили уже действовавшие для более крупных Тедженского и Мервского округов, а штат приставства (Йолотанского или Серахского) — в 4 раза [11, л. 24—24 об.].

Следует подчеркнуть, что вопрос о досрочном прекращении переходного статуса Атека полковник Н. Кузьмин-Караваев ставил за два — полтора года до его официального прекращения по конвенции 1881 г. Есть основания предполагать, что это ускорение стало актуальным «вследствие совершающихся на афганской границе событий» [13, л. 1].

Характерно, что вопреки точке зрения пограничного комиссара по разграничению Закаспийской области с Персией кавказское начальство пришло к мысли свести воедино решение пограничных и административных вопросов в одном лице. Можно предположить, что это было сделано, дабы не беспокоить Тегеран явным прекращением соблюдения конвенции 1881 г. российской стороной и демонстративным учреждением имперской администрации непосредственно в Атеке. Этот шаг было предложено завуалировать дипломатией.

В конце марта 1885 г. тифлисская администрация подготовила проект Временного положения о пограничном комиссаре в Атеке. Этому должностному лицу предлагалось присвоить права и обязанности начальника уезда Закаспийской области в соответствии с § 31 Проекта изменения и дополнения Временного положения об управлении Закаспийской областью 1884 г. Годовое жалование комиссара должно было составить 1250 руб., кроме того, полагалось еще 3000 руб. столовых, на разъезды и экстраординарные расходы [13, л. 3—3 об.], что вполне соответствовало расходам на содержание уездного начальника Мервского уезда. Лишь расходы на экстраординарные нужды пограничного комиссара в Атеке были запланированы на 500 руб. больше, чем у мервского уездного начальника. Но в целом, конечно же, и состав, и расходы на атекскую администрацию были во много раз меньше, чем предлагавшиеся Н. Кузьминым-Караваевым.

Комиссару вменялось в обязанность восстановить в Атеке обычные сборы на общественные нужды, строго наблюдать за соблюдением персидской стороной пограничного законодательства, донося о своих сношениях по этой части начальнику Закаспийской области [13, л. 3 об. — 4].

Рассмотрев этот документ, министр иностранных дел спустя год (привычная для Н. К. Гирса неспешность) сообщил, что «так как установленное в Атеке временное положение, вызывающее потребность в учреждении должности комиссара, прекращается в текущем году, то, по мнению министерства, в настоящее время едва ли было бы своевременно приступить к учреждению таковой должности». Но тут же добавил, что «если по местным соображениям мера эта признана была бы необходимой, то... со стороны министерства не встретится препятствий» [13, л. 47].

Должность пограничного комиссара в Атеке так и не была введена. Вместо нее с 1886 г. там действовало приставское управление [13, л. 45] на общих для Закаспийской области основаниях.

В конце февраля 1886 г. главноначальствующий на Кавказе представил военному министру проект штатов Закаспийской области, согласно которому Атекское приставство в составе Ахалтекинского окружного управления должно было состоять из самого пристава с годовым доходом в 2300 руб. (жалование, столовые, на разъезды и без экстраординарных расходов), помощника пристава из местных ханов (по аналогии с другими приставствами) с жалованием в 1200 руб. и письменного переводчика с жалованием и столовыми деньгами в сумме 800 руб. в год [12, л. 17 об.].

Надо признать, что Атекский оазис, хотя и представлял для Российской империи существенный интерес в плане повышения эффективности управления туркменами, не был местом столкновения внешнеполитических интересов, так как здесь Российская им-

перия практически действовала в согласии со своим соседом Персией. Другое дело долина Мургаба, которая вела не только к слиянию с Кушкой, но и к афганским владениям, где урегулирование пограничных вопросов было осложнено британским присутствием.

Оценивая очередной этап российско-британского противостояния после занятия Мерва, генерал-адъютант А. М. Дондуков-Корсаков обратил внимание на его новую эскалацию: «...несомненно, что теперь более, чем когда-либо, Англия находится под влиянием преувеличенного страха за свою ост-индскую колонию. В этом смысле успешное и неожиданное для Европы разрешение мервского вопроса принесло нам, по моему мнению, неоценимую пользу, и занятое нами теперь положение в Закаспийской области приобретает первостепенную важность. Нам приписывают грандиозные замыслы, о которых безрассудно помышлять при нынешних условиях, и делают из России политическое пугало перед лицом отуманенного общественного мнения Англии. Тем, может быть, лучше для нас; принимая на себя навязываемую ей грозную маску, России выгодно теперь сознательно разыгрывать соответствующую в этой маске роль и, искусно пользуясь ею, заставлять Англию быть сговорчивее в других существенных для нас вопросах европейской политики. Сознаться гласно, что мы вовсе не так предприимчивы и страшны, как нас рисует болезненное воображение известной партии, претендующей на специальное руководство британской политикой в Азии, нет никакого расчета. Мне кажется, напротив: чем более англичане под влиянием тревожных опасений за Индию будут увлекаться в рискованные и дорогостоящие предприятия, вроде занятия Кандагара и Герата и укрепления этих пунктов, тем слабее они станут и тем выгоднее для нас» [16, с. 755].

Получается, что генералы преподнесли российской дипломатии шикарный подарок — новый повод давления на Великобританию с целью благополучного для России решения европейских вопросов. При этом следует обратить внимание на прекрасный план использования этого подарка — не стесняясь давить на англичан, добиваясь реализации собственных интересов. Конечно, мы знаем, что любое контролируемое давление должно иметь свои пределы. Но отказываться от него — значит признать собственную слабость. Сделать российскую дипломатию несколько более агрессивной (твердой, по-бисмаркски реальной) — вот к чему призывал князь А. Дондуков-Корсаков. Пожалуй, этого не всегда хватало российской дипломатии, опасавшейся обратного совместного действия европейских держав.

К тому же теперь для всех стала очевидной ситуация, от возникновения которой предостерегало петербургское Министерство иностранных дел, но которая не могла не сложиться: «...близкое теперь соседство наших владений с Афганистаном дает нам всегда возможность в случае надобности иметь известное политическое влияние на эмира и население, в особенности если Англия неосторожно дозволит втянуть себя в глубь этой страны. Отрепавшись от всяких несбыточных пока мечтаний о походе в Индию, мы все-таки находимся теперь несравненно в лучших условиях для того, чтобы создать затруднения англичанам в Средней Азии, чем были до присоединения Мерва и Серахса» [16, с. 755].

Российский боевой генерал, можно сказать, исходя из собственного опыта предостерегал англичан — «правь, Британия, морями», а вот с сушей будь осторожнее. Колониальный опыт Британской империи подтверждал высокие риски ее континентального господства. Ведь ни Лондон, ни Калькутта никогда не вели речи (и не имели в виду) об объединении колоссального пространства империи в интегрированное государство. Тем более в отношении Афганистана, которому всегда отводилась роль буфера и форпоста. Никакой интеграции, никакого внимания коренному населению и, соответственно, никакой лояльности и поддержки с его стороны. Именно поэтому бойся, Британия, увязнуть в Афганистане!

А вот в Туркменской степи появились силы, грезившие о походе на Индию. И хотя эти мечтания оставались в копилке фантазий закаспийских военных, следует признать, что после занятия Мерва и Серахса перед Россией действительно открывалась блестящая перспектива двинуться на Герат и далее. Но для этого не было ни подготовленных ресурсов, ни политической задачи.

И надо отдать должное главноначальствующему на Кавказе. Перспективу похода на Индию он нарисовал «не потому, чтобы в том только заключалась наша задача, а лишь как на факт, который следует эксплуатировать для достижения наших политических целей» [16, с. 755].

Нельзя не подчеркнуть, что при всей этой милитаризированной риторике, спровоцированной, безусловно, британским запросом, князь А. Дондуков-Корсаков возвратился к старой торговой (и новой цивилизационной) мечте Российского государства. И, как водится, к мечте чистой и наивной. «Если бы английское общественное мнение, часто влияющее на решения правительства, не страдало бы боязнью русского нашествия на Индию, то, конечно, мы могли бы заботиться об одних лишь мирных задачах в Средней Азии, и тогда соглашение с Англией на этой почве не представило бы затруднений. Быть может, и железная дорога от Инда к Кветте, на продолжении которой к Кандагару и даже к Герату настаивают некоторые голоса в лондонской и ост-индской прессе, вошла бы со временем в связь с нашим рельсовым путем, проложенным навстречу через Серахс, Россия стала бы к явной для себя выгоде связующим звеном между Европой и Индией» [16, с. 756].

Но надо понимать всю наивность этих мечтаний в условиях, когда российские владения в Туркменской степи реально создавали и укрепляли угрозу британским интересам на Востоке.

Занятие Йолотана и Старого Серахса поставило перед кавказской администрацией задачу реорганизации управления в Мервском округе, которое, исходя из его стратегического положения, нельзя было оставлять в руках местных ханов. Поэтому главный начальник Кавказа предложил учредить в Мервском округе Йолотанское и Серахское приставства во главе с офицерами немусульманами, «оставив за получающими от казны содержание туземными ханами роль помощника пристава» [11, л. 13 об.].

Спустя три недели император Александр III утвердил временный штат Тедженского и Мервского округов с включением в последний Йолотанского и Серахского приставств. Примечательно, что жалованье ханам, назначенным на должности помощников приставов (по одному в каждом приставстве), было установлено на 200 руб. больше, чем самим приставам (1000 руб.). Хотя последние вместе со столовыми деньгами и расходами на разъезды составили в сумме 2300 руб. Кроме этих двух должностных лиц в каждом приставском управлении состояли переводчик и наемный писец [11, л. 24 об.].

Интересно, что, извещая начальника Закаспийской области об учреждении приставств, генерал-адъютант А. Дондуков-Корсаков строго предупреждал о необходимости ни в коем случае не допускать английские пограничные конвои, а также афганцев и персов в глубь обоих приставств, выставив, в случае необходимости, казачьи посты у слияния рек Кушки и Мургаба и «снабдив начальников постов инструкцией избегать открытых столкновений» [16, с. 773].

Военный министр настаивал: «Независимо от управления необходимо, чтобы и военное наше положение как в самом Серахсе, так частью и в Йолотане внушало англичанам должное уважение и сдерживало их от всякого рискованного шага... Столь же важно, чтобы были предупреждены и со стороны афганцев или персиян всякие попытки преждевременного захвата не принадлежащих им земель...» [16, с. 775—776].

А пока Пендинский оазис заняли афганские войска [16, с. 758]. Туда через Мерв пытались проникнуть (и проникали) афганские осведомители из зависевших от России среднеазиатских владений [16, с. 764—765], некоторые пытались обосноваться и в самом Мерве [16, с. 770—771].

В марте 1885 г. пендинский кризис разрешился столкновением российских и афганских войск, действовавших в тесной связи с английской пограничной комиссией. Какое-то время прошло во взаимных российско-афганских рекогносцировках и встречах с англичанами. При этом афганцы, пользуясь многочисленностью своей кавалерии, стремились охватить российские посты. 17 марта генерал А. В. Комаров направил афганской стороне требование очистить левый берег Кушки и правый берег Мургаба ниже его впадения в Кушку. Не дождавшись ответа, российские войска на другой день перед угрозой нападения афганцев выстроились в боевые порядки, ожидая приказа к атаке. Приказа не было. А. В. Комаров ждал, когда огонь первыми откроют афганцы, что и произошло. Ответив массированным огнем, русские обратили их в бегство. Пендинский оазис оказался в руках закаспийских войск.

19 марта начальник области, не принимая просьб пендинских сарыков о подданстве, приступил к организации управления в новых землях: «Для учреждения порядка в Пенде я приказал выбрать старшин и временное управление возложил на йолотанского сарыка Овез-бая, человека, известного мне своей преданностью России, честностью и значением, которым пользуется среди своих родичей. Сам я также проехал по пендинским аулам с небольшим конвоем. Везде население старалось выказать самые дружественные чувства к русским» [16, с. 788].

Лондонский кабинет, занятый процессом российско-афганского разграничения, судя по всему, находился в плену заверений российского МИД об отсутствии у империи намерений штурмовать афганские позиции. Тем сильнее оно было шокировано известием о занятии русскими войсками Пендинского оазиса, подозревая их в полном послушании повелениям его императорского величества [2, с. 221, 223]. Н. К. Гирс убеждал Лондон в том, что «русские войска возвратились на свои прежние позиции и не заняли Пендждэ [Пенде. — Д. В.]» [2, с. 227], инцидент исчерпан и не мешает работать демаркации. Более того, ему хватило политической гибкости обвинить в инциденте британскую сторону, которая придала своей комиссии по разграничению «военную обстановку», которая позволила некоторым офицерам взять на себя руководство афганскими войсками [2, с. 229]. Официально же российский министр заявил, что «генерал Комаров вовсе не имел намерения вторгаться в Пендждэ» [2, с. 231].

Пендинский кризис не получил своего дипломатического развития именно из-за того, что одновременно шли переговоры об установлении границы между Афганистаном и Россией. И у британской (афганской) стороны было острое желание закрепить за собой Зульфакар, а потому, как сообщал имперский посол в Лондоне Е. Е. Стааль, там «были бы расположены вступить в сделку относительно Пендждэ», на что российский министр согласился незамедлительно [2, с. 233]. При этом он подчеркнул: «Воздержавшись от занятия Пендждэ, мы доказали наглядным образом нашу предупредительность по отношению к Англии и желание наше избежать затруднений» [2, с. 235].

Конечно, англичан смущало нарушение русскими соглашения о неприкосновенности границ до окончательного их определения, но, как уверял имперского посла британский министр иностранных дел граф Гранвилл, в случае отступления русских на исходные позиции (о чем было заявлено, но что не было осуществлено) благоприятное для России решение вполне вероятно [2, с. 245]. На это министр Н. Гирс, надо отдать должное, телеграфировал послу в Лондоне следующее: «Мы вполне сознаем серьезный характер настоящих обстоятельств и искренне сочувствуем желанию английского правительства

прийти к дружественному соглашению; но при этом мы не считаем возможным принести в жертву наше достоинство» [2, с. 247].

В обеих столицах стремились найти приемлемое решение относительно данного ничего не меняющего по большому счету инцидента. Британский министр предлагал соломоново решение: «Что касается вооруженного столкновения под Ак-Тепе, то было бы совместным с достоинством и самоуважением обеих держав признать, что состоявшееся 16-го (4-го) марта соглашение [о ненарушении границ. — Д. В.] возымело обязательную силу для обоих правительств со дня заключения оно, а для их офицеров — со дня получения ими извещения о том, что обеими сторонами будут употреблены все усилия для выяснения фактов, находящихся в связи с недавним столкновением, и что, по выяснении, факты эти будут обсуждены на основании соглашения 16-го марта и, сообразно этому, будет постановлено справедливое решение» [2, с. 253]. Однако ни британская, ни российская сторона не могли сойтись в оценке действий генерала А. В. Комарова 18 марта.

В конце концов обоим кабинетам все-таки довольно оперативно удалось договориться о нейтрализации Пенде [2, с. 319], что позволило восстановить работу по российско-афганскому разграничению. И уже в августе 1885 г. товарищ министра иностранных дел А. Г. Влангали предлагал императорскому послу в Великобритании Е. Е. Стаалю настоять на рассмотрении границы российских владений в Пенде [2, с. 373], что тут же стало предметом дипломатического торга: англичане боролись за Зулфикар, русские — за расширение владений в Пендинском оазисе. И обе стороны уступили друг другу [2, с. 377]. На этих условиях и был подписан 29 августа (10 сентября) 1885 г. Лондонский протокол о демаркации границы между Афганистаном и Российской империей, ставший завершением так называемого Афганского кризиса 1885 г., который гипотетически мог перерасти в горячую стадию. Но, надо признать, до этого было все-таки далеко.

Демаркационная комиссия работала на месте в 1886—1887 гг., а в 1887 г. в российской столице был подписан Заключительный протокол, навсегда закрепивший за империей Пендинский оазис. А за сопредельным государством остался Зулфикарский проход, открывавший (или закрывавший) путь из оазиса в глубь Афганистана и Ирана. Например, на Герат.

4 ноября 1885 г. император Александр III утвердил образование в Пендинском оазисе управления по временному штату Серахского приставства [11, л. 35—36 об.]. Открытие управления Пендинского приставства состоялось 1 февраля следующего года в центральном пункте оазиса Тахта-Базаре [11, л. 41]. В конце февраля 1886 г. на утверждение верховной власти поступил проект штата Закаспийской области, полностью соответствующий штатам Атекского и других приставств [12, л. 19 об.].

Тогда же начальник Мервского округа утвердил инструкцию пендинскому приставу, согласно которой к должностным лицам приставства были отнесены 6 родовых старшин с помощниками (котхудами) в каждом ауле, народный судья казий с четырьмя членами словесного народного суда (диван-беками) и, до введения таможенных правил, сборщик установленных пошлин (пачиман) [11, л. 43—43 об.].

Пристав должен был заботиться о безопасности местного населения, искоренении аламанства и «о постепенном привитии к туркменам-сарыкам как обязанностей русско-подданных, так и русских порядков управления». Ему было предписано наблюдать самому и через агентов за настроением коренного населения и своевременно доносить начальнику округа об антироссийски настроенных лицах, при необходимости решительно пресекая их вредное влияние, строго следить за прибывавшими из Персии, Бухары и Афганистана иностранцами, немедленно изгоняя дервишей, задерживая мусульманских миссионеров. Пристав был обязан разъяснять подчиненным лицам распоряжения и при-

казы вышестоящих властей, «наблюдать, чтобы не было злоупотреблений в отношении к народу в действиях хана [помощника пристава. — Д. В.] и старшин» [11, л. 43 об. — 44].

На хана возлагалось разрешение вопросов водо- и землепользования, разбор мелких дел между жителями. Самому приставу предписывалось «без крайней необходимости не изменять его решений». Он должен был «стараться об упрочении в народе авторитета местного суда», в том числе и через надзор за деятельностью казия и судебных заседателей. К обязанностям пристава были отнесены забота об исправности дорог и мостов, точное исчисление местного населения (наверняка в фискальных интересах) [11, л. 44 об.].

Приставу следовало поддерживать добрые отношения с афганскими властями и при этом оказывать помощь пачиману во взимании пошлин с торговцев и караванов. Отдельными предметами его заботы должны были стать устройство пендинского базара и русского поселка в Тахта-Базаре [11, л. 45—45 об.].

Заключение

История с занятием русскими войсками Атека и Пенде показывает неуклонное намерение Российской империи соединить под своей эгидой все локальные группы туркмен, проживавшие к северу от персидских (и афганских) владений. Российское правительство, воспринимавшее туркмен как своих полноценных подданных и начавшее последовательно распространять на них общеимперские институты, надеялось таким образом в ближайшей перспективе заручиться их лояльностью и таким образом укрепить свои границы с Персией и Афганистаном. Сохранение традиционного суда и, на первых порах, туркменских ханов в первичной администрации, предоставление им высокого статуса и авторитета свидетельствует о том, что власти понимали сложность внутривосточной ситуации и не намеревались форсировать интеграцию туркмен в имперские сословия.

В середине 1880-х гг. эти настроения Российской империи уже не встречали явного сопротивления в Тегеране. Можно сказать, что в это время изменилась позиция и Лондона, занятого вопросами упрочения своего влияния в Афганистане и сдерживания наиболее агрессивных внешнеполитических проявлений эмира Абд-ар-Рахман-хана. Наконец-то британские интересы совпали с российскими в части справедливого (как оказалось) устройства российско-афганской границы. В итоге все военные неурядицы были забыты, стороны пошли на взаимные уступки и завершили острый период конфронтации соглашением, ставшим началом конца Большой игры.

Список источников

1. Арсланов Р. А., Климашин А. Л. Отечественная публицистика о российско-британских противоречиях в Средней Азии в конце XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 5. С. 151—167.
2. Афганское разграничение: Переговоры между Россией и Великобританией: 1872—1885. СПб. : Мин-во иностр. дел, 1886. 381 с.
3. Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151—165.
4. Васильев С. Д. Афганистан как эпицентр российско-британского соперничества на Среднем Востоке в середине XIX в. // Студенческая наука: современные реалии : сб. материалов междунар. студ. науч.-практ. конф. Чебоксары : Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. С. 9—12.
5. Джунджузов С. В., Любичанковский С. В. Оренбургские и уральские калмыки в условиях перехода от имперской политики аккультурации к советской национальной политике // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 128—136. DOI: 10.17223/15617793/439/16.
6. Ибрайымов Г. В. Большая игра в Передней и Центральной Азии в XIX веке: историография вопроса // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Всеобщая история. 2021. Т. 13, № 4. С. 431—445. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-431-445.

7. Крыжко Е. В., Пашковский П. И. «Большая игра»: проблема происхождения, определения и интерпретации термина в историко-политологическом дискурсе // Вопросы истории. 2023. № 11-1. С. 70—79.
8. Любичанковский С. В. Имперская политика аккультурации «инородцев» средствами просвещения (на материалах урало-поволжских и центральноазиатских территорий Российской империи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014091-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840014091-9.
9. Любичанковский С. В. Формирование казахской интеллигенции в гимназиях и профессиональных учебных заведениях Оренбургского края: ответ на вызовы пореформенной модернизации // Уральский исторический вестник. 2021. № 4. С. 106—114.
10. Любичанковский С. В. Юго-восточный фронт России в контексте имперской политики аккультурации: основные результаты международной заочной дискуссии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2020. Т. 19, № 3. С. 727—740. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-727-740.
11. Национальный исторический архив Грузии (НИАГ). Ф. 229. Оп. 1. Д. 59.
12. НИАГ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 141.
13. НИАГ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 149.
14. Почекаев Р. Ю. Записки путешественников как источник по истории государства и права Центральной Азии XVIII — начала XX века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 21—31.
15. Почекаев Р. Ю. Правовые аспекты международных отношений в Центральной Азии XVIII—XIX вв.: проблемы и перспективы изучения // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII—XIX вв. : сб. науч. тр. междунар. семинара. М. : ОнтоПринт, 2019. С. 100—108.
16. Присоединение Туркмении к России: (сб. архивных документов) / под ред. А. Ильясова. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1960. 823 с.
17. Рабуш Т. В. Афганское разграничение 1884—1885 гг. и официальная позиция правительства Российской империи // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 4. С. 175—186. DOI: 10.31857/S086919080020393-9.
18. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2012. 453 с.
19. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 239 с.
20. Удербасова С. К., Сагатов А. М. Отражение англо-русского соперничества в Центральной Азии в конце XIX — начале XX в. в научной литературе // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII—XIX вв. : сб. науч. тр. М. : ОнтоПринт, 2020. С. 163—179.
21. Marvin Ch. Russia's power of attacking India. London : W. H. Allen & Co., 1885. 37 p.
22. Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814—1914. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 613 p.

References

1. Arslanov R. A., Klimashin A. L. Otechestvennaya publitsistika o rossiisko-britanskikh protivorechiyakh v Srednei Azii v kontse XIX v. [Domestic journalism about Russian-British contradictions in Central Asia in the late XIX century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki — Bulletin of the State University of Education. Ser. History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 151—167. (In Russian)
2. *Afganskoe razgranichenie: Peregovory mezhdu Rossiei i Velikobritaniei: 1872—1885* [Afghan Delimitation: Negotiations between Russia and Great Britain: 1872—1885]. St. Petersburg, Min-vo inostr. del Publ., 1886. 381 p. (In Russian)
3. Vasil'ev D. V., Lyubichankovskii S. V. Kazakhi i russkie: bytovaya akkul'turatsiya v XIX v. [Kazakhs and Russians: acculturation in the everyday life in the 19th century]. *Voprosy istorii*, 2018, no. 3, pp. 151—165. (In Russian)
4. Vasil'ev S. D. Afganistan kak epitsentr rossiisko-britanskogo sopernichestva na Srednem Vostoke v sereдине XIX v. [Afghanistan as the epicenter of Russian-British rivalry in the Middle East in the mid-19th century]. *Studencheskaya nauka: sovremennye realii: sb. materialov mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf.* [Student science: modern realities. Proceed. of the Internat. student sci.-pract. conf.]. Cheboksary, Tsentr nauchnogo sotrudnichestva "Interaktiv plyus" Publ., 2017, pp. 9—12. (In Russian)

5. Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskii S. V. Orenburgskie i ural'skie kalmyki v usloviyakh perekhoda ot imperskoi politiki akkul'turatsii k sovetskoi natsional'noi politike [Orenburg and Ural Kalmyks under the conditions of transition from the imperial politics of acculturation to the soviet national policy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2019, no. 439, pp. 128—136. DOI: 10.17223/15617793/439/16. (In Russian)
6. Ibraimov G. V. Bol'shaya igra v Perednei i Tsentral'noi Azii v XIX veke: istoriografiya voprosa [The Great Game in Front and Central Asia in the XIX century: historiography of the question]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Vseobshchaya istoriya — RUDN Journal of World History*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 431—445. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-431-445. (In Russian)
7. Kryzhko E. V., Pashkovskii P. I. "Bol'shaya igra": problema proiskhozhdeniya, opredeleniya i interpretatsii termina v istoriko-politologicheskom diskurse ["The Great game": genesis, essence and interpretations of the term in scientific and geopolitical discourse]. *Voprosy istorii*, 2023, no. 11-1, pp. 70—79. (In Russian)
8. Lyubichankovskii S. V. Imperskaya politika akkul'turatsii "inorodtsev" sredstvami prosveshcheniya (na materialakh uralo-povolzhskikh i tsentral'noaziatskikh territorii Rossiiskoi imperii) [Imperial policy of acculturation of "foreigners" by means of enlightenment (Based on materials from the Ural-Volga and Central Asian territories of the Russian Empire)]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya» — The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")*, 2021, vol. 12, is. 3 (101). Available at: <https://history.jes.su/s207987840014091-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840014091-9. (In Russian)
9. Lyubichankovskii S. V. Formirovanie kazakhskoi intelligentsii v gimnaziakh i professional'nykh uchebnykh zavedeniyakh Orenburgskogo kraia: otvet na vyzovy poreformennoi modernizatsii [Formation of the Kazakh intelligentsia in educational institutions of the Orenburg region: the response to the challenges of post-reform modernization]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2021, no. 4, pp. 106—114. (In Russian)
10. Lyubichankovskii S. V. Yugo-vostochnyi frontir Rossii v kontekste imperskoi politiki akkul'turatsii: osnovnye rezul'taty mezhdunarodnoi zaochnoi diskussii [Imperial acculturation on Russian's southeastern frontier: An international survey]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii — RUDN Journal of Russian History*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 727—740. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-727-740. (In Russian)
11. *Natsional'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [National Historical Archives of Georgia] (NIAG). F. 229. Op. 1. D. 59.
12. NIAG. F. 229. Op. 1. D. 141.
13. NIAG. F. 229. Op. 1. D. 149.
14. Pochekaev R. Yu. Zapiski puteshestvennikov kak istochnik po istorii gosudarstva i prava Tsentral'noi Azii XVIII — nachala XX veka [Travellers' notes as a source on the history of the state and law of Central Asia in the 18th — early 20th centuries]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki — IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Science*, 2018, no. 2, pp. 21—31. (In Russian)
15. Pochekaev R. Yu. Pravovye aspekty mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentral'noi Azii XVIII—XIX vv.: problemy i perspektivy izucheniya [Legal aspects of international relations in Central Asia in the 18—19th centuries: problems and prospects for study]. *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII—XIX vv.: sbornik nauch. tr. mezhdunar. seminar* [Central Asia at the crossroads of European and Asian political interests: 18—19th centuries. Collection of scientific papers of the International seminar]. Moscow, OntoPrint Publ., 2019, pp. 100—108. (In Russian)
16. *Prisoedinenie Turkmenii k Rossii: (sbornik arkhivnykh dokumentov)* [The accession of Turkmenistan to Russia: (collection of archival documents)]. Ashkhabad, Akademia nauk Turkmenskoi SSR Publ., 1960. 823 p. (In Russian)
17. Rabush T. V. Afganskoe razgranichenie 1884—1885 gg. i ofitsial'naya pozitsiya pravitel'stva Rossiiskoi imperii [Afghan demarcation of 1884—1885 and the official position of the Russian Empire government]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' — Vostok (Oriens)*, 2023, no. 4, pp. 175—186. DOI: 10.31857/S086919080020393-9. (In Russian)
18. Sergeev E. Yu. *Bol'shaya igra, 1856—1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [The Great Game, 1856—1907: Myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moscow, T-vo nauch. izdaniy KMK Publ., 2012. 453 p. (In Russian)
19. Tikhomirov M. N. *Prisoedinenie Merva k Rossii* [Merv's annexation to Russia]. Moscow, Izd-vo vostochnoi literatury Publ., 1960. 239 p. (In Russian)
20. Uderbaeva S. K., Sagatov A. M. Otrazhenie anglo-russkogo sopernichestva v Tsentral'noi Azii v kontse XIX — nachale XX v. v nauchnoi literature [Reflection of Anglo-Russian rivalry in Central Asia in the late 19 — early 20th centuries in scientific literature]. *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh*

politicheskikh interesov: XVIII—XIX vv.: sbornik nauch. tr. [Central Asia at the crossroads of European and Asian political interests: 18—19th centuries. Collection of scientific papers]. Moscow, OntoPrint Publ., 2020, pp. 163—179. (In Russian)

21. Marvin Ch. *Russia's power of attacking India*. London, W. H. Allen & Co., 1885. 37 p.

22. Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814—1914*. Cambridge, Cambridge University Press, 2021. 613 p.

Информация об авторе

Д. В. Васильев — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

D. V. Vasilyev — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024;
принята к публикации 20.02.2025

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 03.07.2024;
accepted for publication 20.02.2025